
**ВНЕШНЯЯ (А. ДЮМА) И ВНУТРЕННЯЯ (Т. КЕРАШЕВ) РОМАНИСТИКА ПОД
ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ОТ КАВКАЗА**

*Хуако Фатимет Нальбиевна**д.филол.н., профессор (г. Майкоп)*DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2019.7.63.190](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.7.63.190)

В статье анализируются тенденции классического романа, утвержденные в работах М.М.Бахтина, в их конкретных проявлениях у французского писателя А.Дюма и адыгского писателя Т.Керашева применительно к кавказской тематике. Затрагивая историю жанра и понятийные вопросы автор статьи на конкретных текстовых примерах из установленных романов производит их аналитическое сопоставление, подтверждая тем самым романистику отечественного теоретика. А.Дюма, Т.Керашев, М.Бахтин, роман, романистика, Кавказ

Романистику первых тысячелетий отечественная наука сопоставляла с образными проявлениями мифа во всех его условных разнообразиях. Однако уже в романах, пришедших в мировую культуру в позапрошлом веке, бытийный объект изображения считался носителем явной «правды факта». Как считает классический литературовед мирового уровня М.М.Бахтин, «Роман перестроил литературное мышление Европы. Литература, литературный образ, литературное слово перестали быть тем, чем они были до господства романа. Но теория литературы осталась прежней (Аристотель – Гораций – Буало...). Роман должен перестроить и теоретическое мышление о литературе. Самая модель мира, человека, слова у романа иная. Иной является самая основа построения образа» [1, с. 655]. Причем, если принимаем в рассмотрение романы, упомянем историю вопроса, служившую привлекательной для отечественных исследователей темой.

В противовес ряду ученых М.М.Бахтин называл происхождение романного жанра литературным, просматривая его корни в уже установленном текстовом пространстве. Допускается некоторая оглядка на фольклорную отнесенность единичных фрагментов, однако сам жанр в общем ученый базирует на столь нужном социализму реализме. Так, к примеру, анализируя один из романов французского писателя Раблэ «Гаргантюа и Пантагрюэле», М.М.Бахтин допускает возможность наличия фольклорных ресурсов, но твердо утверждает: «Исторично и реально отрицание прошлого (феодалного строя и феодално-церковной идеологии), но самый роман развертывается в условном утопическом настоящем (на фольклорном материале)» [1, с. 199].

Одновременно имелись по этому поводу и противоположные точки зрения, относившие происхождение романа к фольклорному зачатку. К примеру, – более поздний советский литературовед В.В.Кожин. Так, на С.50 своего классического для отечественного литературоведения труда «Происхождение романа» (М, 1963) он уверен: «Итак, к XVIII веку слово «роман» обозначает волшебное, фантастическое, сказочное повествование, рассказ о невероятных приключениях. Это значение как бы вбирает в себя длительную и сложную историю жанра — историю, в которой, правда, следует видеть три принципиально различных этапа. Во-первых, собственно рыцарский эпос, который развивается в XI – XV веках и представляет собой вполне

определенное, имеющее четкие границы явление. Эта эпическая форма приходит на смену народным эпосам, подобным историческим «песням» о Роланде, о Нибелунгах, о Сиде» [5, с. 50]. В роли прогрессивного планетарного художественного лика данный жанр преобразовал мысль, обнаружив и подтвердив ожидаемое тогда многоязычие, сопровождавшееся другими разно- – времен и культур.

Весьма существенные преобразования обусловил появившийся тогда роман определенным категорийным компонентам. К их числу можно отнести хроникальность и несомый ею стиль. Романский жанр предельно подвел интересующегося получателя к окружающим его реалиям, что отнюдь не считалось целью для произведений давней классики. В этом М.М.Бахтин и видит сложность согласованного сочетания романа с другими жанрами. Задаваясь вопросом о том, каким обязано оставаться поле такого времени (хроникальности) единичных «одновременностей и разновременностей (разрывов)», он строго указывает: «Нельзя разрывать пространства и времена (хронотоп)». Описываемый романистом охват оказывается «условным (равно чужим или равно своим), в нем существенны даль и близость (соответственно одновременность и разновременность, и разные степени их), что позволяет М.М.Бахтину говорить об активности романа на больших охватах. [1, с. 266] Именно такая тенденция и прослеживается в воспоминаниях передвигающегося по Северному Кавказу знаменитого французского писателя Александра Дюма.

Весомая и элементарная видовая форма романного жанра, по цитируемому нами здесь М.М.Бахтину, есть роман странствований, к которым мы уверенно отнесем книгу А.Дюма «Кавказ». В этом случае центральный герой не обладает заметными признаками, он чаще расположен вне художественного центра повествователя. Героем является передвигающаяся по территории однолика и стабильная фигура, испытывающая череду испытаний и получающая определенные впечатления. Как формулирует М.М.Бахтин, «Движение и приключения его позволяют романисту развернуть и показать пространственно – географическое и социальное многообразие мира: страны, города, национальности, культуры, различные социальные группы и их быт» [1, с. 184]. Рассматриваемый роман А.Дюма вполне соответствует данным жанровым характеристикам и потому причисляется нами к роману странствований.

Воспоминания А.Дюма (старший) и художника Жан-Пьера Муане об их поездке знакомы отечественной публике мало. Несмотря на то, что действительность горских жителей здесь воспроизведена досконально, интересно и хроникально. К моменту пребывания в страну французский писатель считался уже известным и популярным. Известны были его романы, множественные пьесы, живописания поездок и др. Среди отечественной интеллигенции России ему принадлежала твердая популярность. Причем не только в столичных, но и в региональных пространствах, в частности, и на Кавказе. В момент поездки земли эти были по-прежнему либо по инерции охвачены военными огнями. И именно этим объяснимо моментальное «взятие на учет» факта прибытия французских словотворцев, произведенное спецслужбой. Как сообщает по этому поводу генерал-адъютант князь Барятинский (20 авг. 1858 г.): «... по приезде г. Дюма в Тифлис мною будет назначен для нахождения при нем в качестве переводчика и путеводаителя благонадежный чиновник, которому вместе с тем будет поручено и наблюдать за ним. Этою мерой я полагаю совершенно удовлетворительно заменить полицейский надзор» [6].

Целевая установка у А.Дюма, однако, была определена и, видимо, далека от нанесения государственного вреда. Как утверждают сегодня (на сайте «Кавказский узел»), «он терял популярность во Франции и хотел привлечь внимание читателей рассказами о таком экзотическом регионе, как Кавказ» [7]. Однако в том же миролюбивом ключе – привлечь адекватное внимание к региону – выступал и местный адыгский классик романа более позднего века – Тембот Керашев. Заглянем в этом отношении к нему в роман «Дорога к счастью» (1981). Оба писателя начинают свои эпические масштабы повествований эмоционально, с географических подробностей. А.Дюма – с оттенком удивленного пришедшего, Т.Керашев – с оттенком гордого хозяина. И именно с удивлением сочетает свои описания гор, их окрестностей гость с бытовавшими здесь легендами (Прометей, Юпитер, Геркулес, Сатурн и др.) – «золотое руно», «алмазные цепи», «птица-исполиин» и т.п.

Описания Т.Керашева более осторожны и спокойны. Восторгаться, подобно гостю, исполнитель строгого соцреализма не имел права. Но и в его эпитетах тихо, но мелькает восторг: степь расстилается «ровно и широко», «зелень верб и акаций» – густая, тишина – глубокая, «безветренная», нарушается «лишь шумом реки» и т.д. [4, с. 21] При этом, как это и присуще романистике, порождающий мысль процесс активен в своем продуцировании. Так, по мнению М.М.Бахтина, обычное течение метафоры в такой жанровой форме обусловит прямое «единство языка, непосредственно соотношенного со своим предметом». Как считает в этом случае исследователь, многоплановость социальных слоев, способная пронзить текст и пронизать его изложение, могла бы препятствовать в нем прогрессу сим-вола. [1, с. 50]

Как это и случается с большинством гостей Кавказа, первое, что их начинает интересовать при въезде, – самоидентификация жителей. Не ушел от этой закономерности и великий французский романист – Александр Дюма. «Спросите у большей части жителей Кавказа, от кого они происходят, – они и сами этого не знают; с какого времени они живут в своем ущелье или на своей горе, им это тоже неизвестно. Но все они знают, что удалились туда для сохранения независимости и готовы пожертвовать жизнью, защищая свободу» [3, с. 23]. Ту же вину вменяет адыгам и Мхамет у Т.Керашева («Дорога к счастью»): «...живем мы, адыгейцы, в ауле, не видим дальше своего частокола и воображаем, что весь мир полон нами» [4, с. 51]. И самое интересное, что в описании самоидентификации кавказцев оба романиста настойчиво применяют одну и ту же метафору – роса. Только А.Дюма ею рисует племена, проживающие на Кавказе, желая очертить их множественность. А Т.Керашев росой нарекает наследуемое рядовым адыгом от родителя имущество, желая подчеркнуть его скоротечность.

В вопросах отображения местного государственного правления А.Дюма тактичен, осторожен и душевно щедр. Начинает он с собственных сетований по поводу искаженности информации, поступающей с Кавказа: «Взор историка с трудом проникает в мрачные ущелья Кавказа сквозь неумолчный шум. Шум этот, искажающийся в зависимости от расстояния и особенностей той или иной местности» [3, с. 30]. Особенно заметно в этом случае свойственное романистике стремление писателя соотнести проблемы «зримости» и «хронотопа» (терм. М.М.Бахтина), настроить различные хронологические шкалы эпического изложения. Писатель здесь пересказывает исторические подробности установления режима в Дагестане, детали перехода власти от одних родов к другим, сменяемости ханов; режимы титулованных поколений, делая одновременно условные допущения, эмоциональные комментарии и вставки. При этом налицо допускаемая М.М.Бахтиным для романа странствований различная мера насыщенности («Dichte») эпического изложения, то есть «чередование генерализаций разной временной длительности (временного охвата) с непосредственным изображением состояний и самого действия» [1, с. 245]. К примеру, налицо такая основанная на фактах экспрессия у А.Дюма на С. 30: «не задумываясь», «никак не мог решиться», «не хотел верить», «слышал ропот и понял» и т.д.

При этом модификация времен изложения предназначается для отображения преобразующихся (мобильных) связей (как рассказчика, так и массового читателя) с рисуемой картиной. И таким образом, благодаря описаниям А.Дюма, сделанным 1 декабря 1858 г. в Тифлисе, вырисовывается отчетливая картина некоей власти «на кинжалах», – быстрых, жестких и беззастенчивых. Впоследствии и Т.Керашев, уже не столь публицистично, но более художественно и выразительно, описывает родовых представителей. К примеру, третью главу ука-

занного романа он начинает с хроникального описания семейной истории Бехуковых. Не забывает он при этом и технических деталей: вот их двор, вот их скот, вот их кони, а вот, уже заполненный, их амбар. Посвящая читателя в подробности их благосостояния, он делает стародавших урков аула несколько более понятными и приближенными к нему. А глава рода, уже на таком предварительном погружении, гораздо более знаком, и получатель немного понимает его в религиозных порывах и предпочтениях.

Однако имеются в описаниях и негативные позы. Как указывается сегодня на одном из обзорных сайтов, «Вместе с тем, Дюма часто пишет о неопрятности кавказцев, дает много эмоциональных оценок» [7]. Поспорим с неопрятностью, приведения фактов коей так и не обнаружили в тексте. Ужасными здесь выглядят дороги. Причем это линия у А.Дюма, к которой он обращается многократно. Периодически и настойчиво. Так, на С. 34, с. «Чем более мы приближались к городу (Кизляр. – Ф.Х.), тем несноснее становилась дорога». И постоянно далее, – их узор и грязь. Однако дороги, – отнюдь не представитель кавказских наций. Но если цитируемый автор имел в виду вот такие указания на «неопрятность»: «Черкес, лезгин или чеченец, который одет почти в лохмотья, имеет ружье, шашку, кинжал или пистолет, стоящие две или три тысячи рублей» [3, с. 96], то тут и не о чем спорить. Либо такое: «Костюм горца, как бы ни был изодран, всегда, если не изыщен, то по крайней мере живописен» [3, с. 97]. Подобные описания французского писателя, подчеркивающие позитив при существующем негативе можно считать скорее комплиментом, а их благородное наполнение – гуманистическим. И далее в том же уважительном тоне А.Дюма очерчивает подробности заказываемой в Ленкорани бурки из пуха пеликанов «изумительной выделки». Причем делает это, по его словам, горец якобы «для щегольства». Завершает же автор эту страницу буквально восторгом: «Когда одетый таким образом горец едет на своем низкорослом коне, с виду напоминающем арабскую породу, то он действительно имеет великолепный вид» [3, с. 97]. Одновременно в идентичных описаниях Т.Керашев более строг к своему соплеменнику: «Однако взыскательный адыгеец, увидя его, непременно бы сказал: «Адыг, но еще зеленый»» [4, с. 22]. Как утверждает по поводу подобной монистичности в восприятии М.М.Бахтин, проследивая так называемую «идею человека» в любом словотворчестве, она неизменно старается побороть «дуализм *я* и *другого*, правда выдвигая в качестве основополагающей какую-нибудь одну из этих категорий» [2, с. 54]. И вот еще параллельное описание двумя романистами одного природного явления – взгляда, выступающего из-под адыгской папахи. У А.Дюма: «Веселый взгляд превратился в подозрительный, и глаза всякого путника принимали грозное выражение, выглядывая из-под черной или белой папахи» [3, с. 34]. Вывод здесь автор делает о том, что они оказались на землях, где каждый идущий остерегается встретить опасность и, не ожидая властной

поддержки, озабочен потенциальной угрозой. У Т.Керашева: «Каракулевая шапка, низко надвинутая на глаза, придавала ему солидный, даже несколько суровый вид» [4, с. 22]. Вот так, – с гордостью и удовлетворенно.

Причем относительно кавказцев обнаруживаем чаще одежду жителей «воинственного вида»: «невинный русский тулуп, наивную калмыцкую дубленку сменила черкеска черного или белого цвета, украшенная по обеим сторонам рядами патронов» [3, с. 33]. А найдем ли в описаниях Т.Керашева тождественные оттенки? Конечно, не уходя далеко, зачин его «Дороги...». Биболэт – московский студент, оказавшийся в родных краях. Автор оправдывает его этническую расположенность: приехав весной в светском виде (клетчатый костюм, кепка) он уже выглядит иначе: «одет в черную черкеску с белыми газырями и кинжалом» [4, с. 22]. Более того, продолжается и далее у Т.Керашева это условное противостояние «кепка – шапка». Уже в другой главе романа встречающий молодого человека аульский старец Хаджимет серьезно обвиняет его в недостойности надетого головного убора. Сбрасывая костылем с парня кепку, старик как альтернативу дарит ему свою каракулевую шапку. И вот потому студент красуется на родных дорогах в одежде своего этнического великолетия.

Везде, как и в романе-странствии у А.Дюма, замечен лишь авторский языковой лик, обязанный сопровождать любой, изреченный им словесный продукт. Насколько бы ни оказывались многовариантны, множественны имеющиеся семантические связи, ударения, параллели, комментарии, извергаемые любой языковой единицей, каждая из них относится к единой языковой системе, исключавшей, по мнению М.М.Бахтина, какие-либо социальные контексты. Однако имелся в романистике весьма очевидный и фактически стержневой контекст, ощутимо определявший как сюжетно-композиционную, так и лексико-фразеологическую струю произведения. Это мотив бесславной гибели, пугавший центральных героев и определявший их образ жизни. Проследиваясь в большинстве романов, он максимально пронизан философией жизни, что также не забывал подчеркивать М.М.Бахтин. Реальное, определенное духовно обусловленное чувствование индивида в ограниченном жизненном поле, в реальном жизненном взгляде обладает двояким нравом: «*я* и *другие* движемся в разных планах (плоскостях) *видения* и *оценки* (действительное, конкретной, а не отвлеченной оценки), и, чтобы перевести нас в одну и единую плоскость, *я* должен стать ценностно вне своей жизни и воспринять себя как другого среди других; эта операция совершается без труда отвлеченной мыслью, когда *я* подвожу себя под общую с другим норму». [М.Б.Эска: 54] Лишь неподготовленное воззрение способно решить, что речь нацелена на описание элементарного страха перед смертью. Аналогично и героев других мировых романов Франсиона, дон Кихота и др. пугает как раз то, как они способны дурным и

бесславным образом уйти из жизни «с подачи» примитивного трусишки, что «высокий и благородный дух подкосит механическая и бесчеловечная сила пороха, что великолепное в своей силе и ловкости тело сразит «проклятое орудие»» [5, с. 158]. И не будем уходить от упомянутого в вышеприведенной цитате В.В.Кожина «орудия», часто присутствующего в описаниях французского романиста и демонстрирующего заметную территориальную вооруженность. Любой встречаемый ими путник, любой из земляков, буквально любая «живая душа» в этих краях обязана была быть вооружена. Это один из стержневых мотивов «Кавказа». Аналогично и сам рассказчик. Вот, к примеру, уже из седьмой главы: «Я взял папаху, вооружился кинжалом – неразлучным спутником, если надо покинуть дом, и отправился с визитом...» [3, с. 85]. Либо при описании своего визита к тогдашнему генералу А.А.Суслову А.Дюма живописно рисует висящий на стене трофей, состоящий из пяти шашек. Подробно изображая самый древний из тех клинков, он приводит и надписи, и пояснение собеседника, и комментирует их. Будучи археологом и интересуясь надписями, французский писатель получает шашку за свое любопытство в подарок от русского генерала. Кстати, свое условное нахождение в том служебном, значимом для русской истории чине А.Дюма описывает весьма увлекательно. Оказывается так, что надетая им в шутку звезда тут же отнесла его в глазах встреченных к категории генералов. «Правда меня принимали за французского генерала, но так как русские в общем симпатизируют французам, то все шло чудесно» [3, с. 37].

Приближаясь к окончанию текущей статьи, приведем еще один мотив, единящий французского и адыгского романистов позапрошлого и прошлого веков на землях Кавказа. Это борьба с предубеждениями. Борьба с предубеждениями, но с национальными, местными, адыгскими, – на первом месте у Т.Керашева. Так, к примеру, скромная девушка в адыгском доме чувствует себя ущемленной: «Неприметной тенью мужа проходили они всю жизнь» [4, с. 25]. Главный герой Биболэт, будучи уверен в ее «покорности, терпении, выносливости» разделяет ее тоску и обреченность по этому поводу. Помнит он поразивший его образ матери, «украдкой утирающей слезы» по поводу «затаенной горечи их бесправной жизни». [4, с. 25] И потому согласен он

встать на защиту слабой девушки, с радостью уступая ей свое место в тачанке. Здесь вполне очевидно срабатывает уверенно выделявшийся М.М.Бахтиным в романе пространственный хронотоп. В условиях случайности простейшим хронотопом М.М.Бахтин видит именно дорогу, дающую встречу и сопровождаемую временем. Такие пространственные измерения и прослеживаются в сюжетно-композиционных изложениях обоих рассматриваемых романистов, что можно считать условным выводом данной работы. Коренное кавказское население могло бы серьезно поблагодарить А.Дюма за высказываемое им еще в Предисловии стремление. Выясняя исторические факты, происходившие в родовых дагестанских узлах, узнавая новые подробности смены власти на кинжалах, он делает ощутимую оговорку. Повторяя полученную ими на месте версию этой истории, замечает, что делает это, «прося читателей не доверять предубеждениям русских, которые, естественно, питают их к своему неприятелю, – предубеждениям иногда превращающимся в клевету» [3, с. 30]. И итогом Предисловия А.Дюма формулирует свою успешность в исполнении цели: «Теперь читатели знают Кавказ – народы, которые его населяют» [3, с. 32]. А кавказцам остается робко поблагодарить и знаменитого гостя, и адыгского классика, вновь и вновь восхвалив незримый дух каждого из них, – ушедших, но вовремя осветивших эти скромные края.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. – Т. 3: Теория романа (1930 – 1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Дюма А. Кавказ. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2015. – 540 с.
4. Керашев Т.И. Избранные произведения в трех томах. – Т. 1. Майкоп: Адыг. отд-ние Краснодар. кн. изд-ва, 1981. – 416 с.
5. Кожин В.В. Происхождение романа: Теоретико-исторический очерк. М.: Советский писатель, 1963. – 440 с.
6. https://www.e-reading.club/chapter.php/1038317/6/Dyuma_-_Kavkaz.html
7. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/298666/>

ЭКВНИМИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Шокиров Туграл Сироджович

Лексика языка, как совокупность своих внутренних систем, состоит из многочисленных взаимосвязанных друг с другом лексико-семантических микросистем. Лексико-семантические микросистемы, в свою очередь, являются своеобразной системой в отношении к другим лексико-семантическим микросистемам (микромикросистемам), которые называются «семантические микроструктуры» и охватывают эквонимы, синонимы и оппозитивы.

Слова, функционирующие как названия отдельных понятий –эквонимы, составляют своеобразный пласт словарного состава сопоставляемых языков.

Краткие сведения о малоизученных эквонимах помещены в работах М. В. Никитина, в которых это явление рассмотрено в качестве одного из функционально-семантических членов парадигмы гиперонима и определены как слова одного уровня обобщения при общем гиперониме, а гиперонимы -